

«ТРАГИЧЕСКАЯ ДРАМА РУССКОЙ ДУШИ...»

Дмитрий
СВЯТОПОЛК-
МИРСКИЙ

Не только в 1918 году, в пору своей наибольшей оппозиционности, но и в 1921 году М. Горький решительно заявлял: «Русский писатель никогда не мог сказать, чего хотел, и не может сказать и сейчас». Это был Горький, когда-то увлекавшийся идеями авторов сборника «Вехи». Но одновременно Горький-рационалист уверял, что за победу разума можно платить гибелью «множеств», и это привело его к оправданию насилия в начале 1930-х годов. Вместе с тем в Горьком всегда жила иррациональная вера в русский народ и будущее России. В 1924 году он писал: «Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным». Этой неистребимой верой своей Горький увлек в 1928 году Д. Святополк-Мирского, который после встречи писал ему: «Как будто бы я был не в Сорренто, а в России, и эта побывка в России меня страшно выпрямила. И нет, наверно, другого такого человека, который бы так носил в себе Россию, так, как Вы...». К середине тридцатых годов от этой восторженности не осталось и следа. Но как бы ни относился критик к личности писателя, он всегда высоко ценил его «проникновенный реализм», с которым Горький показал «широкую галерею русских характеров». Наблюдения критика над романом «Дело Артамоновых» актуальны и сегодня. Разве мы не видим среди нынешних русских предпринимателей черствых «американцев», равнодушных к национальным интересам страны, и противостоящих им «кряжистых и жизнерадостных приобретателей», поражающих духовной нищетой, и, наконец, деятелей с проблемками духовности, обещающей новую генерацию Третьяковых и Морозовых?

Конечно, не во всех оценках творчества, как и личности Горького, Святополк-Мирский оказался абсолютно прав. Впервые публикуемый на русском языке фрагмент из статьи «Литература в России большевиков» интересен прежде всего как редкий документ, показывающий реакцию русского сознания на односторонние суждения Горького о русском крестьянстве. Но некоторые прозрения критика жизнь подтвердила. В частности, предположение, что власти используют авторитет Горького в Европе как прикрытие своей внутренней политики. А разве союз Горького со Сталиным не был еще одним этапом в «мучительной истории исканий» писателя, последним актом в его «трагической драме русской души»?

Гравюра на дереве Николая КАЛИТЫ

Лит. Россия. — 1993. — 26 марта (№ 12). — С. 11-12.
М. ГОРЬКИЙ

Первое имя, которое приходит на ум, имя Горького. Из всех русских писателей он, вероятно, имеет наибольшее право считаться большевиком. Как и весь костяк партии, он не «интеллигент», а подобно ее лидерам — полный атеист и искренний интернационалист. Как все марксисты, он не симпатизирует русскому крестьянству, а герои, с прославления которых он начал, — это люди того сорта, которые обеспечили триумф большевизма в его первый исторический период, это Муравьевы, Антоновы и Сорокины 1918 года¹. Но Горький никогда полностью не отождествлял себя с делом большевизма, как он никогда не отождествлял себя с каким-либо другим делом. Его отношение к большевикам практически такое же, как и его отношение к русскому народу в целом, — с привередливым и самодовольным чувством превосходства. Это типично для Горького, потому

что он не обладает ни в малейшей степени благородным и мужественным даром восхищения. Или по крайней мере он утратил его очень рано, тогда, когда он потерял свое детское восхищение Мальваами и Челкашами, описанными в его ранних произведениях.

В России репутация Горького как творческого художника шла на убыль многие годы, и мало вероятно, что она снова возрастет. Вычурный романтизм его первых рассказов такой же утрированный, как и мрачный романтизм «Удольфских тайн» или «Монаха Льюиса»². И полное отсутствие человеческого сочувствия в его позднем творчестве никогда не будет принято русским читателем, возвращенным на произведения великих писателей XIX века. Но то, что практически убивает в

